JC
51
Спе

Е. Спекторскій.

Понятіе общества въ античномъ мірѣ.

Этюдъ по семантикѣ обществовѣдѣнія.

ВАРШАВА.
Типографія Варш. Учебн. Округа.
1911.

Е. Спекторскій.

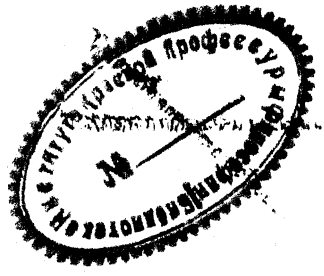
Понятіе общества въ античномъ мірѣ.

Этюдъ по семантикѣ обществовѣдѣнія.

ВАРШАВА.
Типографія Варш. Учебн. Округа.
1911.

Юк

ПРОВ. 1956

ЛС
51

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1/41
53

Понятіе общества въ античномъ мірѣ.

Этюдъ по семантикѣ обществовѣдѣнія.

> Ingrediar in disputationem ea lege, qua credo omnibus in rebus disserendis utendum esse, si errorem velis tollere: ut ejus rei, de qua quaeretur, si, nomen quod sit, conveniat, explicetur, quid declaretur eo nomine. Quod si convenerit, tum demum decebit ingredi in sermonem: nunquam enim quale sit illud, de quo disputabitur, intelligi poterit, nisi, quod sit fuerit intellectum prius.
>
> Cicero, De republica, I, 24.

I.

Терминъ „семантика" мы заимствуемъ у французскаго филолога Бреаля [1]), автора превосходнаго изслѣдованія: Essai de sémantique, science des significations (Paris, 1897). Подъ семантикою общественныхъ наукъ мы понимаемъ теорію ихъ терминовъ и понятій, генетическое изслѣдованіе этихъ терминовъ. Потребность въ семанти-

---

[1]) Чрезвычайно интересна еще другая французская работа: A. Darmesteter, La vie des mots étudiée dans leurs significations.

кѣ, въ выясненіи вопроса de verborum significatione сознавалась уже древними греками и римлянами. Только такой беззаботный, по крайней мѣрѣ въ философіи, дилеттантъ, какъ Цицеронъ, могъ пространно, краснорѣчиво и даже какъ будто убѣдительно и убѣжденно разсуждать о „природѣ", а затѣмъ, поздно спохватившись, признаваться, что онъ собственно не зналъ, о чемъ говорилъ, и не могъ опредѣлить природу: naturam ipsam definire difficile est (De inventione. I. 24). Гораздо методичнѣе поступилъ Аристотель, попытавшійся въ IV книгѣ „Метафизики" выяснить различныя значенія этого понятія для того, чтобы по возможности привести его въ ясность. Семантикою занимались и многочисленные древніе грамматики. Если, значитъ, уже въ античномъ мірѣ, мыслившемъ номиналистически, выражавшемся гораздо яснѣе и проще, чѣмъ наша современность, и жаловавшемся на бѣдность своей философской терминологіи [1]), оказалась потребность въ семантикѣ, то что же сказать о нашей современности? У насъ слишкомъ много терминовъ, и они черезчуръ разнозначны. Мы до того изнемогаемъ подъ бременемъ всевозможныхъ, нерѣдко схоластическихъ и метафизическихъ преданій и наслоеній въ терминахъ, что, напримѣръ, у безнокопвиаго еще Цицерона понятія „природы" въ извѣстномъ словарѣ Литтре оказывается уже болѣе тридцати значеній.

Въ семантикѣ, какъ вспомогательномъ орудіи, болѣе или менѣе нуждаются всѣ современныя науки. Но особенно необходима она для наукъ общественныхъ, особенно когда онѣ стремятся стать науками абстрактными и даже раціональными. Въ нихъ тогда принято слишкомъ безотчетно пользоваться чрезвычайно неопредѣленными и многозначными абстрактными понятіями, которыя нерѣдко совершенно отрываются отъ соотвѣтствую-

---

[1]) Такъ, Сенека писалъ: quanta verborum nobis paupertas, immo egestas (Epistola LVIII).

щихъ имъ конкретныхъ вещей и явленій и превращаются въ чистыя фикціи. Такой смыслъ пріобрѣло даже такое, казалось бы, реальное понятіе, какъ государство. Имѣлъ основаніе Бастіа, когда онъ называлъ государство „великою фикціею" [1]). Авторъ одной новѣйшей монографіи о французской администраціи совершенно отказывается отъ термина „государство" [2]). Къ тому же склоняется и Дюги [3]), видящій въ государствѣ, какъ его понимаетъ традиціонная наука, не болѣе какъ фикцію и утверждающій даже, что „публичной власти не существуетъ, это не болѣе какъ пустая схоластическая формула, ... это понятіе не отвѣчаетъ дѣйствительности" [4]).

Благодаря интересу широкихъ, внѣнаучныхъ массъ къ общественнымъ вопросамъ значительная часть такихъ неясныхъ понятій и фикцій стала обиходною, популярною. Это однако нисколько не содѣйствовало ихъ выясненію. Самыя популярныя понятія и слова рѣдко оказываются самыми ясными и точными. Надъ ними никто не задумывается. Они повторяются машинально. И при этомъ кажется, что всѣ отлично понимаютъ, что говорятъ. Но при первой попыткѣ дѣйствительно уяснить ихъ смыслъ, происходитъ то же самое, что, какъ замѣтилъ еще бл. Августинъ (Confessiones XI, 14), происходитъ по поводу столь, казалось бы, понятной вещи, какъ время: увѣренность переходитъ въ недоумѣніе, и утвержденіе превращается въ вопросъ—si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio.

---

[1]) L'État, c'est la grande fiction à travers laquelle tout le monde s'efforce de vivre aux dépens de tout le monde (L'État, Oeuvres complètes, IV, 1854, стр. 332).

[2]) Henri Chardon, L'Administration de France. Les fonctionnaires, 1908; см. рецензію З. Д. Авалова въ Извѣстіяхъ СПБ. Политехническаго Института.

[3]) L'État, le droit objectif et la loi positive, Paris, 1901, стр. 6 и 320.

[4]) Стр. 13 русскаго перевода (въ изданіи Н. К. Мартынова) брошюры „Соціальное право, индивидуальное право, преобразованіе государства"; ср. Н. М. Коркунова, Указъ и законъ, СПБ., 1894, стр. 132.

Въ такой неопредѣленности и запутанности не было бы большой бѣды, если бы дѣло касалось только словъ. Но словамъ соотвѣтствуютъ понятія; а понятіямъ, если они не притязаютъ на самодовлѣніе, соотвѣтствуютъ предметы. Неясность словъ означаетъ неясность предметовъ; а неясность предметовъ свидѣтельствуетъ о неясности соотвѣтственныхъ наукъ. Въ извѣстномъ смыслѣ правы были какъ Кондильякъ, утверждавшій, что каждая наука—это хорошо сдѣланный языкъ, такъ и Гербартъ, видѣвшій во всей философіи не болѣе какъ обработку понятій.

Семантическая обработка понятій носитъ генетическій, по преимуществу историческій характеръ. Понятія не падаютъ съ неба въ готовомъ видѣ и не парятъ, какъ Платоновы идеи, надъ дѣйствительностью въ какомъ-то таинственномъ эмпиреѣ. Они живутъ вмѣстѣ съ людьми, вмѣстѣ съ ихъ мыслью. И они испытываютъ всѣ тѣ колебанія, измѣненія и противорѣчія, которыя переживаетъ человѣческая мысль. Въ разныя времена и при разныхъ обстоятельствахъ они пріобрѣтали различные оттѣнки, различныя, нерѣдко даже (какъ это, напримѣръ, произошло съ понятіями „закона", „реальнаго", „субъекта" и „объекта") противоположныя значенія. Такъ, напримѣръ, послѣ того какъ возникшее въ XVI и XVII вѣкахъ физическое міровоззрѣніе усвоило и даже присвоило много понятій стараго моральнаго міровоззрѣнія [1]), понятіе „закона" до такой степени утратило свое прежнее моральное значеніе и пріобрѣло чисто физическій смыслъ, что возникъ вопросъ о томъ, есть ли законы у моральнаго міра, вопросъ, нерѣдко рѣшаемый въ отрицательномъ смыслѣ. На протяженіи вѣковъ всевозможныя значенія понятій сплетались, наслаивались, вытѣсня-

---

[1]) См. сравнительную характеристику этихъ двухъ міровоззрѣній въ III и IV главахъ перваго тома изслѣдованія автора настоящаго этюда „Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи" (Варшава, 1910).

ли другъ друга и вообще вступали въ самыя разнообразныя сочетанія. Все это можетъ быть выяснено только историческимъ путемъ. Вмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе односторонне и произвольно дедуцировать понятія „чистыя", гораздо цѣлесообразнѣе взойти къ историческимъ корнямъ и развѣтвленіямъ подлежащихъ выясненію понятій; и среди этихъ развѣтвленій всегда найдутъ свое мѣсто и свое объясненіе тѣ значенія, которыя съ такою гордостью и независимостью дедуцируются апріорными теоретиками какъ единственно истинныя. Все это далеко не безразлично и въ чисто философскомъ отношеніи. Не напрасно такіе философы, какъ Тейхмюллеръ и Эйкенъ, такъ много трудились надъ семантикою. Oratio и ratio, nomen и gnomen, слово, понятіе и мысль настолько соотносительны, что измѣненіе одного по большей части предполагаетъ также измѣненіе и другого. И Максъ Мюллеръ не слишкомъ преувеличивалъ, когда увѣрялъ, что вся философія можетъ быть названа борьбою между старыми и новыми значеніями словъ.

II.

Понятія „общество", „общественный", „соціальный" чрезвычайно популярны. Они встрѣчаются на каждомъ шагу въ разговорной рѣчи, въ печати. Ими испещрены книги моральнаго, юридическаго, политическаго и экономическаго содержанія. Наконецъ, существуетъ или по крайней мѣрѣ притязаетъ на существованіе наука „соціологія", которая объявляетъ своимъ спеціальнымъ предметомъ общество и нерѣдко выражаетъ готовность упразднить за ненадобностью или же совершенно поглотить всѣ другія науки о человѣкѣ и о людяхъ. Что же означаютъ эти понятія?

Если въ непритязательномъ и не логичномъ житейскомъ обиходѣ эти понятія, несмотря на свою многозначность и неясность, не вызываютъ слишкомъ боль-

шихъ сомнѣній, то въ болѣе сознательной и методической области науки смыслъ ихъ оказывается весьма спорнымъ. Какихъ только опредѣленій не давали „обществу" ученые хотя бы въ одномъ только XIX столѣтіи! Его называли и растеніемъ, и животнымъ, и лицомъ, и союзомъ, и взаимодѣйствіемъ, и отношеніемъ, и подражаніемъ, и солидарностью, и борьбою. Все это совершенно запутало это понятіе.

Распутать его можно двоякимъ путемъ—діалектическимъ и генетическимъ. Первый способъ стремится опредѣлить подлежащее выясненію понятіе во всей его чистотѣ, какъ чистую идею, возможно болѣе независимую отъ данныхъ конкретныхъ случаевъ ея реализаціи, ея воплощенія. Такимъ путемъ, какъ извѣстно, Платонъ въ теченіе всей своей жизни бился надъ понятіями добра, красоты, истины и даже стола, лошади, вообще всѣхъ предметовъ. Въ общемъ, онъ потерпѣлъ неудачу. И діалектика привела его къ чистой метафизикѣ. Вмѣсто того, чтобы опредѣлить общія понятія in rebus, Платонъ надстроилъ supra res какіе-то новые мистическіе предметы и какъ бы выпрыгнулъ изъ дѣйствительности въ транссцендентный міръ фантазіи.

Попытка опредѣлить общество діалектическимъ путемъ, но безъ метафизики, была сдѣлана въ послѣднее время Штаммлеромъ. Вопросъ о томъ, что есть общество, означаетъ для него вопросъ о томъ,—мы приводимъ его собственныя, тяжеловѣсныя, зато очень характерныя слова,—„подъ какими формальными условіями, т. е. въ какомъ лежащемъ въ основаніи и единообразно соблюдаемомъ направленіи мыслей возможно разсмотрѣніе человѣческаго общежитія какъ своеобразная наука" [1]. Отвѣтъ Штаммлера извѣстенъ. „Соціальная жизнь—это

---

[1] Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung, Zweite Auflage, Leipzig, 1906, стр. 105.

внѣшнимъ образомъ регулированное общежитіе людей" [1]; „внѣшнее регулированіе взаимнаго человѣческаго поведенія создаетъ возможность понятія соціальной жизни какъ особаго объекта" [2]. Соціальный—это внѣшнимъ образомъ регулированный. Все внѣшнимъ образомъ регулированное соціально; и все соціальное—внѣшнимъ образомъ регулировано.

Такое опредѣленіе, взятое само по себѣ, какъ нѣчто апріорное и чисто формальное, т. е. такъ именно, какъ и полагается согласно методѣ, принятой Штаммлеромъ, явно неудовлетворительно. Оно слишкомъ широко, потому что далеко не все то соціально, что внѣшнимъ образомъ регулировано: лошадь въ упряжи внѣшнимъ образомъ регулирована; таково же положеніе паровоза, движущагося по рельсамъ и регулируемаго машинистомъ, дождевой воды, стекающей по водосточной трубѣ, шаровъ или тарелокъ въ рукахъ ловкаго жонглера и тысячи другихъ предметовъ, которые совершенно не характерны для понятія соціальнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако опредѣленіе Штаммлера слишкомъ узко. Оно отказывается видѣть общество тамъ, гдѣ отсутствуетъ регулированіе и притомъ непремѣнно внѣшнее. Значитъ, всѣ тѣ случаи, когда люди въ силу внутренняго влеченія, безъ всякаго внѣшняго принужденія и регулированія, живутъ другъ съ другомъ въ добромъ согласіи и единодушіи, оказываются, по Штаммлеру, чѣмъ-то если не противообщественнымъ, то во всякомъ случаѣ внѣобщественнымъ.

Опредѣленіе Штаммлера, какъ и другія формулы его во многихъ отношеніяхъ всетаки превосходнаго и строго методически выдержаннаго труда, кажется страннымъ только въ томъ случаѣ, если его разсматривать совершенно отвлеченно, внѣ пространства и времени. Но если,

---

[1] Стр. 84.
[2] Стр. 83.

несмотря на его притязаніе на полную и чистую трансцендентальность, возстановить его связь съ тою конкретною средою, изъ которой оно заимствовано, то оно, не теряя односторонности, пріобрѣтаетъ нѣкоторую жизненность и даже мѣткость. Оказывается, что Штаммлеръ, слѣдуя въ данномъ случаѣ традиціи Томазія и Канта, понимаетъ внѣшнее вполнѣ спеціально какъ юридическое, а внутреннее—какъ моральное. И, значитъ, общество, въ его пониманіи, есть понятіе юридическое; все общественное относится къ праву, или, какъ болѣе замысловато выражается Штаммлеръ, право есть форма человѣческаго общества. Дѣйствительно уже въ древнемъ Римѣ понятіе общества въ его наиболѣе ясномъ видѣ возникло на юридической почвѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что Штаммлеръ, юристъ по профессіи, примкнулъ къ такому пониманію общества. Но спрашивается, дѣйствительно ли для этого были необходимы тѣ крайне отвлеченныя умозаключенія, которыми изобилуетъ его книга.

Кромѣ оторванности отъ конкретнаго міра, такого рода умозаключеніямъ обыкновенно грозятъ еще двѣ опасности, такъ сказать, Сцилла и Харибда,—именно, софистика и реторика. Избѣгая первой, стараясь спастись отъ софистики, Штаммлеръ не уберегся отъ второй и впалъ въ реторику. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи диспозиція его разсужденія „о соціальномъ идеалѣ" [1]): сначала „тезисъ", затѣмъ „поясненіе", затѣмъ „дедукція", затѣмъ „эпиметръ", „резервація", „постулатъ", „первый выводъ", „второй выводъ", „третій выводъ", наконецъ, „присовокупленіе". При этомъ авторъ не столько изучаетъ, сколько поучаетъ и проповѣдуетъ. Все это можетъ быть очень назидательно для читателя. Все это можетъ принести пользу практическому рѣшенію соціальной проблемы—въ той, впрочемъ,

---

[1]) Стр. 577 и слѣд.

довольно слабой степени, въ какой вообще жизнь можетъ измѣняться и совершенствоваться подъ вліяніемъ нравоученій. Но научной проблемы общества, какъ проблемы теоретической, познавательной, все это еще нисколько не рѣшаетъ.

Эта проблема вообще не можетъ быть рѣшена исключительно діалéктическимъ путемъ. Если мы хотимъ изучить общество, то, значитъ, мы предполагаемъ наличность соотвѣтственнаго объекта въ реальной жизни. Слѣдуетъ не доказать, а показать этотъ объектъ. Отъ него отвлечено извѣстное понятіе. Къ этому понятію присоединены тѣ или иные моральные постулаты и идеалы. Ставшее вслѣдствіе этого сложнымъ уже въ древности, понятіе общества на протяженіи исторіи еще болѣе осложнилось благодаря новому наслоенію и сплетенію разныхъ, иногда даже противоположныхъ значеній. Все это можетъ быть выяснено единственно при посредствѣ генетической методы. Если ей, быть можетъ, не принадлежитъ и не должно принадлежать послѣднее слово въ изслѣдованіи, ей несомнѣнно принадлежитъ первое слово.

Чтобы услышать это первое слово по вопросу о томъ, что такое общество, слѣдуетъ обратиться къ колыбели всѣхъ нашихъ научныхъ понятій, именно къ античному міру. Это и составляетъ задачу настоящаго этюда.

III.

Два тысячелѣтія отдѣляютъ насъ отъ античнаго греко-римскаго міра. Несмотря на это, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо понятнѣе для насъ, чѣмъ наша современность. Мы обладаемъ большею суммою положительныхъ знаній, чѣмъ древніе греки и римляне. Но насъ занимаютъ тѣ же самыя философскія и моральныя проблемы, что и ихъ. Эти проблемы мало мѣняются, потому что это проблемы вѣчныя. Но въ настоящее время

онѣ чрезвычайно осложнены и запутаны благодаря многовѣковой традиціи и эрудиціи. Въ античномъ же мірѣ онѣ были поставлены впервые, въ европейской по крайней мѣрѣ исторіи,—со всею свѣжестью и непосредственностью первороднаго сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тою классическою ясностью и точностью, которыми проникнуты всѣ созданія греко-римскаго духа въ области этики и обществовѣдѣнія. Вотъ почему, если мы хотимъ разобраться въ элементахъ самыхъ, казалось бы, современныхъ философскихъ и нравственныхъ проблемъ и доктринъ, въ частности и понятія общества, намъ необходимо взойти къ античной старинѣ, когда, какъ выразился Гемстергойсъ, всѣ нравственныя и соціальныя понятія „были идеями почти столь же ясными, совершенными и опредѣленными, какъ идеи треугольника и круга" [1]).

Сообразно съ общимъ духомъ античной этики, въ отличіе отъ физики, общество занимало древнихъ грековъ и римлянъ главнымъ образомъ какъ проблема практическая. Совѣты полумиѳическихъ семи мудрецовъ относительно благоначалія и благозаконности; полусерьезныя, полушутливыя разсужденія Платона о томъ, какъ бы онъ управлялъ людьми, если бы былъ царемъ или обладалъ соотвѣтственными полномочіями; далѣе, если не экспериментальная, то опытная политика Аристотеля; наконецъ, мечты стоиковъ—все это преслѣдовало одну цѣль, создать если не на дѣлѣ, то хоть на словахъ „общество", т. е. союзъ, содружество людей, такъ или иначе организованное, иными словами, рѣшить соціальный вопросъ какъ практическую проблему. Мы не будемъ касаться всей относящейся сюда древней литературы и ограничимся обществомъ какъ понятіемъ теоретическимъ.

---

[1]) Oeuvres philosophiques de M. F. Hemsterhuis, Paris 1792, I, 232.

Теорія же въ античномъ мірѣ означала прежде всего лицезрѣніе, воспріятіе дѣйствительности, реальной, живой, конкретной; въ этомъ смыслѣ всякій зритель на олимпійскихъ играхъ былъ теоретикомъ; въ этомъ же смыслѣ и Крезъ привѣтствовалъ любознательнаго туриста Солона какъ „теоретика" [1]). Послѣ того какъ діалектика, оторвавъ идеи отъ видимой дѣйствительности, превратила ихъ въ новую невидимую, метафизическую дѣйствительность, теорія стала часто означать или умозрѣніе или мистическое созерцаніе этой таинственной дѣйствительности; въ переводѣ на латинскій языкъ это называлось спекуляціею. Такимъ образомъ уже въ античномъ мірѣ была подготовлена почва для пониманія теоріи какъ чего-то отвлеченнаго отъ эмпирической дѣйствительности, чего-то совершенно независимаго отъ нея и даже противоположнаго ей. Такое пониманіе было главнымъ образомъ плодомъ поздняго развитія, быть можетъ, уже упадка античнаго міропониманія. И оно было еще чуждо тому поистинѣ классическому времени, когда человѣка и людей понимали гораздо проще, естественнѣе и конкретнѣе, чѣмъ теперь, когда еще почти совсѣмъ не знали столь свойственной нашимъ теоретикамъ привычки подставлять вмѣсто живыхъ людей болѣе или менѣе неопредѣленныя отвлеченныя сущности и принимать только эти сущности за нѣчто дѣйствительно реальное и живое. Люди мыслили номиналистически—по крайней мѣрѣ до появленія діалектической философіи и до вырожденія ея въ метафизическую онтологію. Сообразно съ этимъ понятіе общества объединяло только такія житейскія отношенія, въ которыхъ люди дѣйствительно видѣли общность, союзъ. И поэтому это понятіе имѣло у нихъ болѣе узкое, зато также и болѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ теперь.

---

[1]) Геродотъ I, 30.

IV.

Въ обществѣ—любовь, училъ Аристотель [1]); общество содержитъ въ себѣ что-то братское, увѣрялъ Ульпіанъ [2]). Гдѣ любовь и братство, тамъ, значитъ, и общество. И наоборотъ, гдѣ общество, тамъ, значитъ, братство и любовь. Такъ какъ на братствѣ и любви строится семья, то, значитъ, общество это прежде всего семья. Вотъ почему Аристотель начиналъ съ семьи свое ученіе объ обществѣ [3]). Вотъ почему бракъ, этотъ, какъ его опредѣляли римскіе юристы, союзъ всей жизни, общеніе божескихъ и человѣческихъ правъ, считался источникомъ и прототипомъ того, что въ древности называлось обществомъ—взглядъ, который раздѣляется и донынѣ многими изслѣдователями римскаго права [4]). Семейная любовь называлась „соціальною" любовью [5]). И отношеніе жены къ мужу понималось какъ „соціальное" отношеніе [6]). Семья называлась обществомъ главнымъ образомъ потому, что она возникала путемъ договора: nuptias non concubitus, sed consensus facit, учили римскіе юристы [7]). По-

---

[1]) Ἐν κοινωνίᾳ γὰρ ἡ φιλία. (Этика, VIII, 9).

[2]) Societas jus quodammodo fraternitatis in se habet (l. 63 D. XVII, 2).

[3]) Политика I, 2. Ср. Цицерона De officiis I, XVII: Prima societas in ipso conjugio est.

[4]) См. особенно B. W. Leist: Zur Geschichte der römischen Societät, Jena, 1881, стр. 45. P. F. Girard: Manuel élémentaire de droit romain, troisième édition, Paris, 1901, стр. 570. Среди новѣйшихъ романистовъ болѣе всего протестовалъ противъ такой односторонности Пернисъ; но и онъ не могъ не видѣть одного изъ корней общественнаго договора римскаго права въ societas omnium bonorum, т. е. въ древнемъ consortium (см. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abtheilung, III Band, 1 Heft, 1882: Zum römischen Gesellschaftsvertrage, стр. 49).

[5]) Socialis amor. См. Овидія Metamorphoseon Lib. VII, 800; Ex Ponto, Lib. III, Epist. I, 73. Ср. Fastorum Lib. II, 729: torus socialis.

[6]) Uxor.. socia rei humanae atque divinae (Cod. IX, 32, 4). Γυναῖκα γαμετὴν... κοινωνὸν ἁπάντων χρημάτων τε καὶ ἱερῶν (Діонисій Галикарнасскій, II, 25). Τῶν γάμων... κοινωνία (Платонъ, Законы 721A).

[7]) l. 30 D. 50, 17. l. 15 D. 35, 1.

добнымъ же образомъ и союзъ дѣтей, происходящихъ отъ брака, назывался только тогда обществомъ—consortium или societas omnium bonorum,—когда они не дѣлили между собою наслѣдства, а образовывали имущественный союзъ, союзъ хотя и родственный, но договорный. Вообще въ античномъ мірѣ общество главнымъ образомъ, если не преимущественно понималось какъ союзъ искусственный. И подъ это понятіе подводились только соотвѣтственныя явленія.

Живущая въ добромъ согласіи семья, особенно если это еще большая семья, задруга, союзъ нѣсколькихъ поколѣній, представляетъ картину не лишенную привлекательности. Въ этой средѣ естественно культивируются чувства братства, любви, согласія и т. п. Все это тѣсно связалось съ понятіемъ общества и сообщило ему какую-то нравственную привлекательность. Вотъ почему, какъ упомянуто выше, сухой римскій юристъ Ульпіанъ проявилъ совершенно неожиданную чувствительность, когда заговорилъ объ обществѣ, хотя онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ такія формы юридической ассоціаціи, въ которыхъ не было рѣшительно ничего сентиментальнаго.

Кромѣ семейныхъ союзовъ, которые далеко не всегда и не непремѣнно являли картину дружескаго согласія—тяжки войны между братьями, замѣтилъ Аристотель,—общеніе всѣкъ божескихъ и человѣческихъ вещей создавалось на почвѣ дружбы [1]), этого общества душъ [2]), при которомъ, какъ гласила греческая пословица, у друзей все общее, κοινὰ τὰ τῶν φίλων. Такого рода общества, такія коммуны друзей были или по крайней мѣрѣ считались не только утопическими пожеланіями, но и вполнѣ конкретными фактами живой дѣйствительности.

---

[1]) См. Цицерона De amicitia VI; Сенеку Epist. XLVIII.

[2]) Amicitia est animorum societas (Исидоръ Испанскій, Sententiarum Lib. III, Cap. XXVIII, 2).

Такъ именно устраивали свою жизнь пиѳагорейцы по преданію, правда сильно прикрашенному позднѣйшими неоплатониками и неопиѳагорейцами, проэцировавшими въ добромъ старомъ времени свои мечты объ идеальномъ общежитіи. Какъ бы ни были эфемерны эти союзы, также непрочные, какъ и всякіе союзы, основанные только на чувствѣ симпатіи [1]), тѣмъ не менѣе они существовали. И такія полурелигіозныя коммуны друзей, у которыхъ все общее, назывались, какъ и семья, обществами, причемъ это названіе, какъ видно изъ одного текста Аулу Геллія [2]), понималось по аналогіи съ его первоначальнымъ значеніемъ союза семейственнаго.

Гораздо большею опредѣленностью, чѣмъ полулегендарныя коммуны друзей, отличались тѣ союзы, которые заключались не для рѣшенія проблемы счастья и жизни, согласной съ тѣмъ или инымъ нравственнымъ идеаломъ, а для достиженія какихъ-нибудь имущественныхъ цѣлей. Такіе союзы главнымъ образомъ и именовались обществами. И по ихъ поводу по преимуществу выработалось наиболѣе ясное и точное въ древнемъ мірѣ понятіе соціальнаго—понятіе юридическое, довольно тщательно отдѣлявшееся отъ не поддававшагося точному учету дружескаго общенія [3]), скорѣе приближавшагося къ семейному союзу [4]). Подъ обществами понимали главнымъ образомъ тѣ союзы, теорію которыхъ даютъ 25-ая глава 3-ей книги Институцій Гая и вторая глава 17-ой кни-

---

[1]) Amicus diu quaeritur, vix invenitur, difficile servatur, поучалъ св. Іеронимъ (Commentariorum in Michaeam Lib. II, Cap. VI., Migne, XXV, стр. 1278).

[2]) I, IX, 12: Quod quisque familiae pecuniaeque habebat, in medium dabat et coibatur societas inseparabilis, tamquam illut fuit anticum consortium, quod iure atque verbo Romano appellabatur ereto non cito.

[3]) Inter Amicum et Socium. Amicus constat affectu, socius re, quia consortio constat (Исидоръ Испанскій, Differentiarum Lib. I, 2).

[4]) Non enim mihi sic cum amico communia sunt, quomodo cum socio, ut pars mea sit, pars illius; sed quomodo patri matrique communes liberi sunt (Сенека, De beneficiis, Lib. VII, XII).

ги Юстиніановыхъ Дигестъ. Этой частноправной теоріи суждено было впослѣдствіи, въ соединеніи съ римскимъ же юридическимъ ученіемъ о такъ названныхъ впослѣдствіи моральныхъ лицахъ, т. е. коллективныхъ личностяхъ, лечь въ основаніе публичнаго права новаго времени и черезъ его посредство войти въ эклектическое и расплывчатое ученіе о гражданскомъ обществѣ, соціальной солидарности, consensus'ѣ и т. п. При этомъ ея происхожденіе, ея первоначальное значеніе и назначеніе были почти совсѣмъ забыты. Въ древнемъ Римѣ она была точнѣе, объективнѣе и научнѣе. Вызывалось это тѣмъ, что она не постулировалась апріорно, а отвлекалась отъ реальной жизни, представляла, пользуясь однимъ изъ выраженій римскихъ юристовъ [1]), краткій пересказъ вещей. Древнее consortium или societas omnium bonorum сонаслѣдниковъ, синдикатъ публикановъ и иныя совмѣстныя торговыя и промышленныя предпріятія—таковы были тѣ конкретные случаи, отъ которыхъ римскіе юристы отвлекали свое понятіе общества. Съ точки зрѣнія этого понятія общество есть не болѣе какъ договоръ, заключаемый отдѣльными людьми вполнѣ сознательно и вполнѣ намѣренно, для вполнѣ опредѣленной и осуществимой имущественной цѣли. Заключая его, иными словами, вступая въ общество, каждый членъ вноситъ свой вкладъ, имущественный или иной. Вклады могутъ быть различны. Но они непремѣнно должны быть сдѣланы каждымъ вступающимъ въ общество. Иначе вмѣсто соціальнаго отношенія создается основанное на дареніи отношеніе благотворительное: donationis causa societas recte non contrahitur, училъ Ульпіанъ [2]). Какъ союзъ, заключенный опредѣленными лицами для достиженія именно ими опредѣленной цѣли, общество не можетъ быть заключено навѣки: nulla societatis in aeternum coi-

[1]) l. 1 D. 50, 17.
[2]) l. 5 D. 17, 2.

tio est, училъ Павелъ [1]). Вступая въ общество, каждый обязывается только за самого себя. За своихъ наслѣдниковъ онъ уже не можетъ обязаться [2]). Возникшее путемъ согласія, по ясно выраженной волѣ опредѣленныхъ лицъ съ совершенно опредѣленною цѣлью, общество какъ для каждаго изъ нихъ, такъ и для всѣхъ продолжается [3]) и прекращается также по ихъ волѣ. Въ случаѣ же если согласіе въ предѣлахъ той цѣли, ради которой общество возникло, длится въ теченіе всей жизни этихъ лицъ, оно исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ, т. е. со смертью этихъ лицъ [4]).

Семейный союзъ и имущественный договоръ—таковы были классическія значенія общества въ античномъ мірѣ. Всякія другія значенія носили или переходный, промежуточный характеръ, какъ, напримѣръ, упомянутое выше общеніе друзей, или же имѣли переносный, нерѣдко и метафизическій смыслъ.

V.

Въ переносномъ смыслѣ понятіе общества распространялось на отношенія государственныя. Называя государство обществомъ, древніе греки и римляне отчасти констатировали дѣйствительность, отчасти высказывали пожеланіе, разсуждали телеологически.

Они констатировали дѣйствительность постольку, поскольку античное государство, въ отличіе отъ современнаго, дѣйствительно являлось общиною. Въ Греціи государствомъ назывался городъ—πόλις. Такой городъ, какъ, повидимому, и всѣ вообще города, возникалъ и предназ-

---

[1]) l. 70 D. 17, 2.

[2]) l. 35 D. 17 2.

[3]) Manet autem societas eo usque, donec in eodem consensu perseveraverint (Instit. III, 25).

[4]) Dissociamur renuntiatione, morte etc. (l. 4. D. 17, 2).

начался первоначально исключительно для военныхъ цѣлей, служилъ оплотомъ для обороны или же базисомъ для нападенія. Сообразно съ этимъ населеніе его представляло дружину, жившую болѣе или менѣе сообща и сплоченно. Сплоченность доходила иногда до коммунизма, какъ, напримѣръ, у занявшихъ липарскіе острова греческихъ флибустьеровъ, этихъ въ своемъ родѣ предшественниковъ нашихъ запорожцевъ, едва ли не исключительно занимавшихся, какъ выразился Ливій, публичнымъ разбоемъ [1]) и жившихъ сообща [2]). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ политическаго, т. е. городского быта, съ появленіемъ въ немъ мирныхъ профессій, торговли и частной предпріимчивости коммунистическія, дружинныя связи конечно ослабѣли и на сцену выступило личное начало. Но ему не удалось вполнѣ преодолѣть ни воспоминаній о старинѣ, соціальный характеръ которой, какъ это, напримѣръ, произошло по отношенію къ древней Спартѣ, часто преувеличивался подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ публицистическихъ идеаловъ, ни цѣлой сѣти законодательныхъ и административныхъ предписаній, проникнутыхъ такъ или иначе понятыми „соціальными" соображеніями. Вся публичная и въ значительной степени также личная жизнь обывателей греческихъ городовъ благодаря этому опредѣлялась и видоизмѣнялась сообразно съ ихъ общественнымъ строемъ—πρὸς τὴν πολιτείαν, какъ любилъ выражаться Аристотель въ „Политикѣ".

Соціальнымъ до извѣстной степени могло быть названо и римское государство, по крайней мѣрѣ въ его древнѣйшемъ видѣ. Это видно уже изъ того, какъ оно называлось: civitas, гражданство. Такое названіе означало совокупность, союзъ гражданъ, первоначально только копьеносцевъ, воиновъ, дружину, сообща стяжавшую

---

[1]) Publico latrocinio (V, 28).

[2]) Κοινωνικῶς βιοῦντες (Діодоръ, V, 9).

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

имущество—rem publicam, буквально публичную вещь—и затѣмъ дѣлившую его или же сообща владѣвшую имъ. Римская civitas въ гораздо большей степени, чѣмъ греческая πόλις, носила свободный характеръ, характеръ сходки [1]), вольницы, договорной ассоціаціи. Такъ какъ общественнымъ договоромъ—sociali foedere—римская государственная община соединялась также и съ сосѣдними племенами, то, кромѣ государственнаго общенія, соціальнымъ называлось также и международное общеніе [2]).

Еще въ большей степени умѣстно было названіе соціальнаго по отношенію къ совершенно искусственному идеальному государству, о которомъ такъ любили мечтать и спорить въ старину. Оно должно было представлять полную противоположность той акосміи, которая наблюдалась въ дѣйствительной жизни, должно было осуществлять полную гармонію, полную симфонію и такимъ образомъ напоминать не столько общество въ юридическомъ смыслѣ, сколько скорѣе общество въ смыслѣ моральнаго союза пиѳагорейскихъ общинъ [3]), воспоминанія о которыхъ были оживлены и прикрашены подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ мечтаній.

Изъ такого сочетанія наблюденій и пожеланій составилось политическое понятіе общества. Какъ бы оно ни было полезно для теоретическаго и практическаго оріентированія въ политикѣ, оно, въ отличіе отъ юридическаго понятія общества, съ которымъ у него было болѣе всего сходства [4]) и отъ котораго оно собственно и произошло,

---

[1]) Coetus (Cicero, De republica, I, XXIV). См. объ этомъ Geschichte der Staatsrechtswissenschaft, von H. Rehm, 1896, стр. 150. Ср. O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, 23.

[2]) Tres autem sunt societates: familiarum, urbium, gentium (Исидоръ Испанскій, Etymolog. Lib. XV, Cap. II, 2). Ср. P. Willems, Le droit public romain, quatrième édition, Louvain, 1880, стр. 382.

[3]) Civium beate et honeste vivendi societatem, какъ выражался Цицеронъ (De republica, IV, 3).

[4]) Ἡ δὲ τούτων (т. е. ἀγαθοῦ καὶ κακοῦ καὶ δικαίου καὶ ἀδίκου) κοινωνία ποιεῖ οἰκίαν καὶ πόλιν. ἡ γὰρ δίκη πολιτικῆς κοινωνίας τάξις ἐστίν (Аристотель,

знаменовало уже нѣкоторый упадокъ чистоты пониманія. Оно примѣнялось не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ. Оно только отчасти было адэкватно дѣйствительности. Главнымъ же образомъ оно представляло предвосхищеніе если не неосуществимаго, то во всякомъ случаѣ неосуществленнаго идеала. Государственная жизнь, взятая въ ея непосредственно данномъ историческомъ видѣ, могла быть названа общественною жизнью, въ особенности жизнью, основанною на договорѣ и на совмѣстномъ осуществленіи единой цѣли, только въ условномъ, переносномъ смыслѣ. Согласіе всѣхъ гражданъ относительно общей цѣли совмѣстной жизни, которое и Аристотель и Цицеронъ, эти главные представители классическаго пониманія государства какъ общества, полагали въ основаніе политическаго союза, представляло или мечту или же фикцію—фикцію въ иныхъ случаяхъ близкую къ издѣвательству—подобно не допускавшемуся римскими юристами „львиному обществу" (societas leonina) или же тому мнимому родственному обществу между древнеримскими патронами и ихъ вольноотпущенниками, подъ предлогомъ котораго патроны могли ихъ эксплуатировать и, какъ выразился Ульпіанъ, durissimas res exigere [1]). Развѣ политическая жизнь Греціи и Рима, не только внѣшняя, но также и внутренняя, не представляла картины почти непрерывныхъ раздоровъ, узурпацій, кровопролитій, при которыхъ, какъ выразился Аристотель [2]), люди не образуютъ соціальнаго строя? Развѣ не имѣлъ основанія Гераклитъ, когда онъ утверждалъ, что, если у людей и есть что-нибудь общее, то это—только война [3])? Какъ же послѣ это-

---

Политика I, 2). Est igitur res publica res populi, populus autem non omnis hominum coetus, sed coetus multitudinis juris consensu et utilitatis communione sociatus (Цицеронъ, De republica, Lib. I, XXV).

[1]) l. 1 D. 38 2.

[2]) Οὐ καθιστᾶσι κοινὴν πολιτείαν (Политика VI, 9, 11).

[3]) Τὸν πόλεμον ἐόντα ξυνόν (H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker, Berlin, 1903, стр. 78).

го называть такую жизнь общественною? Не является ли государство-общество не болѣе какъ мечтою, фикціею или же, какъ признавалъ Аристотель, телеологическимъ понятіемъ [1]), предѣломъ, цѣлью, такъ сказать, асимптотою, къ которой должна приближаться, къ которой болѣе или менѣе приближается, но которой никогда не достигаетъ реальная политическая жизнь? Тѣмъ не менѣе именно Аристотель видѣлъ въ государствѣ общество по преимуществу; и во всякихъ другихъ бытовыхъ союзахъ онъ склоненъ былъ видѣть не болѣе какъ части, подчиненные элементы общества политическаго [2]).

Такимъ образомъ фикція заслонила дѣйствительность, и понятіе общества впервые получило нѣкоторую туманность. Эта туманность усилилась съ территоріальнымъ расширеніемъ античнаго государства, особенно римскаго, съ превращеніемъ его изъ мелкой общины въ великую, міровую державу. Если Аристотель находилъ даже предлагаемое Платономъ число 5040 семействъ слишкомъ значительнымъ для образованія настоящаго политическаго общества [3]), если и въ XVIII вѣкѣ Райналь объявилъ „чудовищемъ въ природѣ" общество численностью отъ 20 до 30 милліоновъ человѣкъ [4]), то тѣмъ труднѣе было назвать обществомъ всесвѣтную имперію, среди провинцій которой скромно значились „Азія" и „Африка", и въ которой энергично работали центробѣжныя силы.

Къ этому присоединялось еще и то, что отношеніе между населеніемъ и властью въ имперіи совершенно утратило старинный соціальный характеръ. Фактически исчезъ древній демократическій типъ государства, когда

---

[1]) Πᾶσα πόλις φύσει ἐστίν... ἡ δὲ φύσις τέλος ἐστίν (Политика, I, 2).

[2]) Πᾶσαι δὴ φαίνονται αἱ κοινωνίαι μόρια τῆς πολιτικῆς εἶναι (Этика VIII, 11).

[3]) Политика II, II, 3; см. еще IV (VII), IV, 7.

[4]) Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des Européens dans les deux Indes, tome V, 15. Geneve, 1780.

совокупность гражданъ (civitas) путемъ избранія устанавливала магистратовъ и вручала имъ власть, когда власть выростала изъ общества. Явились новые типы—сначала автократическій, потомъ, съ принятіемъ христіанства, теократическій. Въ автократическомъ типѣ императоры по собственному праву, опирающемуся на силу легіоновъ, становятся во главѣ государства и диктуютъ свою волю населенію; власть здѣсь самодовлѣетъ; она самодержавна. Въ теократическомъ типѣ императоры царствуютъ не волею народа и не по собственному праву, а Божіею милостью; они—намѣстники, викаріи, делегаты небеснаго величества; они стоятъ у подножія небесной іерархіи и на вершинѣ іерархіи земной; они возсѣдаютъ на престолѣ, окруженные пышнымъ дворомъ; путемъ нисходящей іерархіи чиновъ они воздѣйствуютъ на огромную, пеструю массу населенія, на рабовъ небеснаго царя и подданныхъ земного бога.

Тѣмъ не менѣе на языкѣ права автократическое и теократическое государство по прежнему понималось какъ демократическое общество: такъ смотрѣлъ, напримѣръ, на государство Ульпіанъ, несмотря на неистовства преторьянцевъ, не пощадившихъ и его самого. Юристы и въ государствѣ Геліогабала продолжали видѣть республику такого же соціальнаго типа, какъ и та республика, которую характеризовалъ въ своемъ политическомъ трактатѣ Цицеронъ. И сообразно съ этимъ государство по прежнему опредѣлялось какъ общество: civitas est hominum multitudo societatis vinculo adunata [1]). Изъ адэкватнаго дѣйствительности понятія общество стало такимъ образомъ превращаться въ фикцію, или же въ риторическую фигуру.

---

[1]) Исидоръ Испанскій, Etymolog. Lib. XV, Cap. II, 1.

VI.

Въ реторическомъ пользованіи и злоупотребленіи понятіемъ общества, чѣмъ, между прочимъ, иногда грѣшилъ Платонъ [1]), особенно повинны были стоики. Если вслѣдствіе этого они и расширили нравственную фразеологію новымъ—нельзя не согласиться, чрезвычайно благодарнымъ—сюжетомъ, они также сообщили ему темноту и неясность. Такъ, напримѣръ, Цицеронъ въ трактатѣ „объ обязанностяхъ", составленномъ по его собственному заявленію [2]) въ стоическомъ духѣ, объявилъ, что для того, чтобы взойти къ настоящимъ основаніямъ человѣческаго общества—Аристотель, какъ упоминалось, восходилъ съ этою цѣлью къ семейному союзу,—слѣдуетъ подняться на особую, высшую точку зрѣнія [3]). И дѣйствительно онъ заводитъ читателя въ какое-то чрезвычайно широкое [4]), универсальное общечеловѣческое общество, основанное на не совсѣмъ ясно опредѣленныхъ, но имѣющихъ привлекательный видъ началахъ—ratio и oratio. Но затѣмъ при переходѣ къ практическимъ выводамъ—извѣстно, что этотъ трактатъ написанъ Цицерономъ для его сына, которому онъ даетъ житейскія наставленія приблизительно въ духѣ Шекспирова Полонія,—авторъ, по собственному заявленію, изъ „огромнаго общества рода человѣческаго" снисходитъ къ „незначительному и тѣсному" [5]). Такимъ обществомъ, лучше и прочнѣе котораго, опять таки по его собственнымъ словамъ нѣтъ ничего [6]), оказывается въ концѣ концовъ то, что

---

[1]) Такъ, онъ говорилъ объ обществѣ между богами и людьми (Пиръ 188C) или объ обществѣ неба и земли (Горгій 507E).

[2]) De officiis Lib. I, II.

[3]) Ib. Lib. I, XVI: sed, quae naturae principia sint communitatis et societatis humanae, repetendum videtur altius.

[4]) Ib. Latissime patens societas.

[5]) I, XVII.

[6]) Ib.

теперь называется высшимъ обществомъ. Цицеронъ, этотъ ставшій снобомъ счастливый parvenu (homo novus), опредѣлилъ его съ откровенностью, почти извиняющею сентиментальность и напыщенность его фразъ о мнимомъ всечеловѣческомъ обществѣ. Оказывается, что всѣ, живущіе трудомъ рукъ своихъ, какъ люди грязнаго ремесла [1]), не могутъ считаться членами настоящаго общества. Купцы допустимы въ немъ только тогда, когда они ворочаютъ очень крупными капиталами; въ противномъ случаѣ и ихъ профессія считается грязною: мелкій лавочникъ шокируетъ настоящее общество [2]). Самое же достойное мѣсто въ немъ, оказывается, можетъ принадлежать только помѣщикамъ [3]), конечно тоже возможно болѣе крупнымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что то возвышенное и обширное общество людей, о которомъ такъ хорошо разсуждалъ Цицеронъ, представляло для него не болѣе какъ поводъ блеснуть своею реторикою. Чисто реторическую цѣнность представляютъ также аналогичныя разглагольствованія другого великосвѣтскаго и сановнаго приверженца стоицизма, именно Сенеки, сентиментально увѣрявшаго, что всѣ люди образуютъ тѣсное общество, болѣе того, какъ бы одну семью, одинъ домъ [4]). Во всемъ этомъ было столько же фразерства, если даже не лицемѣрія, сколько въ прославленіи нищеты тѣмъ же самымъ Сенекою—крупнымъ финансистомъ и опытнымъ дѣльцомъ—или же въ его предварявшемъ Руссо и Толстого призывѣ къ опрощенію, въ его протестѣ про-

---

[1]) In sordida arte. I, XLII.

[2]) Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est; sin magna et copiosa.. non est admodum vituperanda.

[3]) Ib. Обо всѣхъ этихъ интересныхъ разсужденіяхъ Цицерона см. R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, II Band, 1901, стр. 487 и особенно O. Neurath, Zur Anschauung der Antike über Handel, Gewerbe und Landwirtschaft (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III Folge, XXXII Band., 1906, стр. 577 и слѣд.).

[4]) De beneficiis, Lib. VII, I.

тивъ культуры—противъ ключей, замковъ и въ особенности почему-то противъ крышъ [1]).

Реторическій паѳосъ, съ которымъ стоики разсуждали объ обществѣ и который донынѣ еще принимается за классическій образецъ нравственной и философской глубины, сильно запуталъ это понятіе. Во-первыхъ, они смѣшали общество, какъ мечту или какъ практическую нравственную проблему, съ обществомъ, какъ реальнымъ фактомъ: общеніе и солидарность всего рода человѣческаго изъ опредѣленной мечты они превратили въ неопредѣленный фактъ. Во-вторыхъ, они проэцировали эту мечту въ какомъ-то небываломъ прошломъ и такимъ образомъ превращали исторію изъ положительнаго знанія въ какую-то утопическую идеологію; золотой вѣкъ, трогательное идеальное общество людей, оказывается, существовало уже въ старину [2]). Наконецъ, въ-третьихъ, согласно со своею матеріалистическою теоріею познанія, признававшею дѣйствительность и дѣйственность только за тѣлесными предметами и провозгласившею таковыми также нравственныя и логическія понятія и постулаты, они изъ общества, и притомъ всечеловѣческаго, сдѣлали какое-то тѣло: membra sumus corporis magni, училъ Сенека [3]). При этомъ тѣло понималось ими не въ томъ условномъ, техническомъ юридическомъ смыслѣ, въ которомъ юристы называли тѣлами корпораціи, universitates personarum, надѣляя этимъ признакомъ societates publicanorum [4]), а въ смыслѣ какой-то метафизической реальности. И сообразно съ этимъ та т. н. соціальная точка зрѣнія въ пониманіи человѣка, которая совсѣмъ на-

---

[1]) Epistola XC.

[2]) Epistola XC: Inter homines consortium... aliquandiu inviolatum mansit, antequam societatem avaritia distraxit.

[3]) Epistola XCV.

[4]) См. В. Б. Ельяшевича, Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ, С.-Петербургъ, 1910, стр. 405 и слѣд.

прасно считается открытіемъ XIX вѣка, потому что ея формулировку, совершенно аналогичную нашимъ современнымъ, можно найти въ главѣ XVII четвертой книги трактата Сенеки „О благодѣяніяхъ", и которая впервые была введена стоиками, подставляла вмѣсто живыхъ конкретныхъ людей метафизическія абстракціи. Въ отличіе отъ соціальной точки зрѣнія Аристотеля, видѣвшаго въ обществѣ главнымъ образомъ понятіе телеологическое, конечную цѣль, къ которой людей побуждаетъ отчасти уже одинъ фактъ ихъ совмѣстной жизни, отчасти же ихъ намѣреніе не просто жить, а возможно лучше жить, соціальная точка зрѣнія стоиковъ провозглашала общество не цѣлью, а фактомъ, реальнымъ, даже тѣлеснымъ фактомъ и притомъ единственнымъ фактомъ, не только отличнымъ отъ его составныхъ элементовъ, т. е. отдѣльныхъ людей, но даже какъ будто противоположнымъ имъ или исключающимъ, уничтожающимъ ихъ. Единичный человѣкъ—ничто. Общество—все. Не человѣкъ создаетъ общество, а общество—человѣка. Не общество должно доказывать свое право на существованіе, а, напротивъ, единичный человѣкъ. Впрочемъ лучше ему и не доказывать этого права: такого права у него нѣтъ, не можетъ быть и не должно быть.

VII.

Начатое стоиками дѣло было завершено патристикою. Всякая религія живетъ не столько дѣйствительностью, сколько мечтами, принимаетъ невидимое за видимое, упованіе за реальность. Христіанская религія тоже жила въ значительной степени вѣрою въ осуществленный идеалъ. Однимъ изъ такихъ ея идеаловъ было христіанское общество. О такомъ обществѣ еще въ XVII вѣкѣ Лейбницъ писалъ: fraternitas christiana societas ex-

cellentissima, latissima humana societas [1]). Оно имѣло реальную подкладку въ тѣхъ, напоминавшихъ пиѳагорейскіе союзы, древнехристіанскихъ общинахъ, въ которыхъ союзная связь и тѣсное общеніе создавались не на почвѣ договора, какъ въ семьѣ и юридическомъ обществѣ, а на почвѣ общей вѣры, общей надежды, общей любви, особенно любви. Послѣ того какъ угасъ первый фанатизмъ, первый энтузіазмъ, послѣ того какъ переходъ изъ язычества въ христіанство пересталъ быть внутреннимъ нравственнымъ перерожденіемъ и сталъ просто внѣшнимъ обрядомъ, послѣ того какъ въ христіанскую среду проникли честолюбіе и раздоры, послѣ того какъ, наконецъ, покровомъ христіанства облекся почти весь безъ остатка языческій міръ, оставшійся послѣ этого такимъ же языческимъ міромъ, какимъ онъ былъ и прежде— послѣ всего этого тѣсное христіанское общество, основанное на такомъ интимномъ чувствѣ, какъ любовь, стало не болѣе какъ фикціею, слововоплощеніемъ. И тѣмъ не менѣе эта фикція была объявлена реальнымъ предметомъ. Какъ стоики, не довольствуясь включеніемъ въ міровое общество всего рода человѣческаго, распространяли его и на всю прочую тварь—живую и неодушевленную, земную и небесную, словомъ, на весь міръ со включеніемъ боговъ, такъ и въ христіанское общество или церковь, кромѣ живыхъ, были включены и мертвые, кромѣ видимыхъ людей, людей во плоти, еще и главнымъ образомъ невидимые безплотные духи. И такой метафизическій союзъ, основанный на любви—причемъ любовь къ людямъ была вытѣснена любовью къ Богу,— объявлялся конкретнымъ тѣломъ, признавался реальною силою, факторомъ исторіи, сражающимся, какъ училъ бл. Августинъ, съ инымъ факторомъ, съ иною силою, именно со свѣтскимъ обществомъ, основаннымъ тоже на любви—безъ любви уже не могли представить себѣ

[1]) См. G. Mollat, Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften, Leipzig, 1893, стр. 99.

общества,—но на любви человѣка не къ Богу и даже не къ другимъ людямъ, а къ самому себѣ [1]). Съ усиленіемъ христіанства въ такомъ дуализмѣ больше не оказалось уже надобности—по крайней мѣрѣ для схоластиковъ папскаго лагеря. И церковь была признана католическою, т. е. вселенскою, универсальною. Тогда же появилось и освященное церковнымъ авторитетомъ ученіе схоластическихъ философовъ о томъ, что дѣйствительны, реальны только общія понятія, что universalia sunt realia и притомъ ante res. Значитъ, и католическая, иначе говоря, универсальная церковь, универсальное общество христіанъ не есть только сумма, классъ вѣрующихъ, абстракція, фикція или же просто слово: она—настоящая реальность, самобытная, самодовлѣющая. И никакія индивидуальныя и коллективныя усилія людей, никакія ереси и расколы не могутъ или по крайней мѣрѣ не должны колебать ея монополію дѣйствительнаго, суверенаго бытія [2]). Рядомъ съ этою гвельфскою фикціею универсальнаго церковнаго общества схоластика утверждала бытіе гибеллинской фикціи универсальнаго свѣтскаго общества въ видѣ пресловутой священной римской имперіи, которую, напримѣръ, глоссаторы признавали единственнымъ на всю Европу, болѣе того, на весь міръ государствомъ [3]). Такимъ образомъ понятіе общества было всецѣло усвоено метафизическимъ „реализмомъ" средневѣковья. И сообразно съ этимъ это понятіе окончательно получило отвлеченный, туманный, оторванный отъ конкретной дѣйствительности смыслъ.

Е. Спекторскій.

---

[1]) De civitate Dei, Lib. XV, cap. XXVIII. Fecerunt itaque civitates duas amores duo; terrenam scilicet amor sui usque ad contemptum Dei, coelestem vero amor Dei usque ad contemptum sui.

[2]) См. A. Weber, Histoire de la philosophie européenne, septième édition, Paris 1905, стр, 223.

[3]) См. O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III Band, 1881, стр. 198.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР